

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе**

2020-2021 учебный год

11 класс

Максимальный балл – 100

Дорогой любитель литературы!

Желаем тебе успеха!

1. Аналитическое задание

Максимальный балл - 70

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору)

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Вариант 1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа О. Аникиной (род. в 1976 г.) «Юбка». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): сопоставление в рассказе вечного и временного как способ раскрытия ключевых тем текста, детали как способ создания образа времени и пространства и образа героини, две ипостаси главной героини, специфика композиции рассказа, стиль повествования.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Ольга Аникина

Юбка

Первым умер дедушка, а ровно через полгода – бабушка. Начальство дедушкиного завода выселило нас с мамой из старой квартиры на Красном Проспекте, и мы стали жить в рабочем районе, в маленькой маминой однокомнатной. Мама тщетно пыталась сводить концы с концами и целыми днями пропадала на службе. Наша дача в Матвеевке заросла пыреем, яблони без бабушки вымерзли в первый же год, некому и некогда было следить за цветником. Хмелевая беседка возле дачного домика поредела. Сначала в ее плетеных зеленых вертикалях стали появляться прорехи, а после куда-то исчезла крыша. Так, медленно-медленно, стирались деталь за деталью предметы, и понятия заменялись одни другими, и время текло, пока не пропала целая страна, которую когда-то называли лучшей на свете.

А вот матвеевский сосновый бор, на окраине которого как раз и располагалось наше садоводческое товарищество с понятным детскому разуму названием «Конструктор», еще долгое время оставался прежним. Потом изменился и он, появились новые автомобильные проезды, на въезде и выезде выросли огромные мусорные кучи, исчезли маслятники и черничники, стало меньше смешных ворчливых ежей, куда-то ушли лоси, а может быть, их просто перестреляли и пустили на солонину. Но тогда, в первые годы перемен, лоси еще были настолько смелы, что в душные летние ночи приходили из леса на дачные участки и пили воду из бочек, предусмотрительно оставленных садоводами открытыми на ночь. Неподалеку от нашего домика лежал искусственный пруд, и в самые жаркие дни, когда воздух прогревался градусов до тридцати пяти и выше, рогатые красавцы-великаны парами топали через все

товарищество и плюхались в спасительный водоем, совершенно игнорируя плавающих вокруг дразнящих их смельчаков.

Черника росла в лесных низинах и к середине июля выстилала дно зеленых котлованов персидским синим, сизо-фиолетовым и сотней других оттенков, от индиго до легкой пурпурной синевы. Вся эта роскошь перемежалась с темной зеленью листьев и нежным розоватым цветом сосновых иголок. В августе черника избывала и лес отдыхал, чтобы ближе к сентябрю загореться брусничниками. Далеко, в глубине леса, там, где сосновая поросль чередовалась с березняком, лежали большие вырубленные поляны, на которых когда-то паслось колхозное стадо коров, и это место называлось дойкой. Дедушка раньше ходил туда за молоком для сестры. Мне молоко было категорически и надолго запрещено детским врачом, но иногда все-таки я, возмущенная этаким несправедливостью, тайком отхлебывала из дедушкиного бидона и обретала недолгое счастье. По коровьей тропе, петлявшей совсем рядом с дорогой на станцию, мы два раза в неделю ходили с дедушкой в качестве сопровождающего отряда. Удивительным образом тропа была проложена через самые грибные места.

Я помню дерзкие скользкие затылки грибных детенышей, бодающих с упорством маленьких телят колючую хвою или сухую паутинообразную травяную сеть. Они выпирали из земли янтарными дразнящими бугорками, и непонятно было – то ли срезать несмышленишей, то ли махнуть рукой, пройти мимо и оставить их жить еще дня два-три, щедро даря удовольствие от счастливой находки другому, незнакомому послезавтрашнему грибнику.

Все эти лесные красоты для жителя конца восьмидесятых годов прошлого века имели реальное практическое значение. То есть почти все, что давал лес, можно было собрать и съесть. Ну или заготовить на зиму. Так же как и то, что росло на дачных участках. Сразу, как только в магазинах пропали продукты, клумбы на даче были упразднены, а вырученные квадратные метры засажены картошкой и репой. Сосновый бор теперь кишел людьми, для многих он остался единственной надеждой худо-бедно пережить зиму: с прилавков пропали даже крупы, а за хлебом (булка – двадцать четыре копейки) выстраивались очереди, занимать место в которых нужно было часов с семи утра. Но если у взрослых от всего этого темнело в глазах и волосы вставали дыбом, то мы, дети, гораздо спокойнее и покорнее переносили трудности. Послушно стояли в очередях, с удовольствием хлебали ядреный суп из концентратов, на целый день вместе со взрослыми уходили в лес как на работу, захватив пару десятилитровых ведер, чтобы к вечеру вернуться с тарой, груженной доверху ягодами и грибами.

Да, теперь это были совсем не те грибные походы, что при дедушке, из них начисто пропала игра и сказка, но я не видела этого или не хотела видеть. В смешении запахов смолы и корневой сырости была неизменность, которая заставляла меня садиться под деревом на корточки не для того, чтобы добрать очередную горсточку ягод, а чтобы, к примеру, помочь незнакомой букашке забраться на шершавый ствол, подставляя ей под лапки соломинку. Сестра всегда собирала больше меня, ее чашки и корзинки наполнялись словно сами собой, а я на ее фоне считалась лентяйкой.

Одним таким летом мы с мамой шли со станции по лесу, еще мокрому после вчерашнего ливня. Было по-утреннему прохладно, но влага быстро испарялась. Безветренное оцепенение сменялось первой лиственной дрожью, хрустом случайной ветки, шорохом где-то там, наверху, – наверное, это белка или птица, осмелев, качали спящую крону и капли, дрожащие на кончиках иголок, сыпались вниз последним коротким воспоминанием о вчерашнем дожде. Свернув с тропинки в ельник, мы с восторгом наткнулись на первый гриб, мокрый и крепкий масленок размером с пятак, со шляпкой, самоуверенно заломленной назад.

Маслята не растут поодиночке: их грибница большая, говорят, она может достигать радиуса десяти метров. Еще дедушка учил меня: видишь масленок – смотри по сторонам, ищи его братцев. На этот раз братцы спрятались нехитро: целая семейка малышей сидела

справа, в трех шагах от старшего. Через полтора-два метра от этой семейки сидела вторая, за ней – третья. Грибы выskalывали из рук; ножей у нас с мамой не оказалось, и мне пришлось вытащить из волос и разобрать на запчасти металлическую заколку: ребром ее изогнутого края легко было срезать тонкие упругие ножки. Увлеченная процессом, я встала на колени, переползая от кочки к кочке, и через полчаса моя светло-голубая, сшитая из марлевки юбка покрылась серыми липкими пятнами.

– Сама стирать будешь, – сказала мама, критически оглядев мой подол. Она вывалила очередную горсть маслят в общую кучу, которая потрясала своими быстро увеличивающимися размерами.

– Угу, – буркнула я и вытерла грязную ладонь о линялую марлевку. Мама насмешливо хмыкнула, а я объяснила: – Да тьфу же, наплевать, все равно ведь юбка уже грязная!

Куча грибов росла, а маслятник, кажется, не уменьшался. У нас были и многомудрые грибы – старички, уже мягкие, но еще не тронутые червем, были грибы среднего возраста, с белыми капельками на внутренней поверхности шляпки, были и вовсе карапузы, меньше моего мизинца. Внезапно обретенное богатство кружило наши головы, но в конце концов обозначилась проблема. Шли мы налегке, ни ведер, ни полиэтиленовых пакетов с собой не взяли, а до дачи нужно было еще идти почти полчаса. Бросить находки неподалеку от дороги, где в любую минуту могли пройти другие грибники, экипированные лучше нас, было немыслимо: даже если бы мы замаскировали кучу грибов ветками и дерном, у нас имелись все шансы вернуться к шапочному разбору. Но нести добычу было и правда не в чем.

– Снимай юбку, – вдруг сказала мама. – Выдернем через шов на поясе кусок резинки, потом стянем – будет мешок.

Довольная приключением, хохоча, я стащила с себя юбку. Марлевка упала на хвою, и я шагнула из ее мятого круга сначала одной ногой, потом другой. Осталась в белых девчоночьих трусах, тоже далеко не новых и смешно растянутых сзади, с рисунком – то ли в цветочек, то ли с вишенками.

Из длинной юбки получился замечательный мешок, и в него вместились почти вся наша добыча. Идти до дома в трусах я наотрез отказалась, и мы решили оставить меня в лесу охранять грибное место. Побродив вокруг и насобирав еще несколько горстей молочных маслят, я потеряла кусок заколки, который уже сделался для меня важным инструментом грибника. Срезать твердые ножки стало нечем, и я, отыскав более-менее сухое место в траве, решила отдохнуть и легла на живот.

Лежать оказалось неудобно: майка и трусы намокли, к ногам прилипла колючая хвоя, а в ребро впечатался твердый кулачок сморщенной шишки. Шишку я вытащила и отбросила, потом повернулась на спину и, кое-как устроившись, закинула руки за голову.

Прохлада и сырость растворялись, земля уже начинала дышать паром, и можно было пока не бояться муравьев и комаров, потому что все они еще прятались, напуганные недавней грозой. На листе земляники, покрытом чуть видимым пухом, на самых кончиках тонюсеньких волосков, лежали капли воды, и было интересно наблюдать, как они высыхают. Слышалось жужжание первых осмелевших насекомых, а сверху, оттуда, куда уходили, медленно качаясь, широкие конусы сосновых стволов, раздавался однообразный посвист и шелканье. Птица повторяла заученную фразу сотый и тысячный раз, ни на полтона не ошибившись, и я, посредственная пианистка с четырехлетним стажем, испытывала к этой птице вполне братское сострадание.

С дороги послышались чьи-то голоса, они то приближались, то удалялись, и почему-то среди них мне почуялся голос дедушки. Я подскочила от неожиданности, но бежать к людям побоялась. Дедушкин голос оказался обманом – издали я увидела чужие силуэты. По лесу бродили незнакомые люди и говорили о своих, ненужных мне делах. Мне почему-то вдруг стало стыдно за свои тонкие ноги и старые растянутые трусы с детским рисунком. Я на какой-то миг ощутила себя насекомым и, услышав внутри живота

холодную барабанную дробь, нырнула в ближайший овражек, где и затаилась, почти не дыша. Люди прошли мимо, не заметив меня или не заинтересовавшись мной.

Все снова стихло, но уже ни мохнатые жужелицы, ни гигантский моховик, который, словно волшебный колобок, сам прикатился ко мне под ноги, ни птица-зубрилка – ничто меня не утешало. Лес вдруг развернулся как черный веер и в одно мгновение стал огромным и чужим. Я не могла избавиться от чувства, что на меня кто-то смотрит, на мою мокрую одежду, которую и одеждой-то нельзя было назвать, на коленки в синяках, на глупые нескладные движения. Я села на сосновый корень, натянув майку до пяток. В овражке я увидела брошенную кем-то консервную банку и цветную полиэтиленовую обертку от шоколадки, которая стоила половину маминой зарплаты. Я долго смотрела на них, не отрываясь.

Так я сидела почти час, пока не пришла мама с вещами. Я натянула на себя что-то сухое, закуталась в это «что-то» поглубже и снова забралась в овраг. Мама обошла окрестности по периметру и, удивленная, вернулась с пустым ведром. Грибы пропали так же неожиданно, как и появились, и по дороге домой нам больше ни один не показался на глаза. Дома мы до самого вечера чистили гору маслят, часть из которых пошла на жаренуху с картошкой, а почти полное пятилитровое ведро мама повезла в город мариновать. На этот раз я осталась одна ночевать на даче: в доме, закрытом снаружи на ключ, было и безопасно, и тепло.

Недавно я вспомнила этот случай и со смехом рассказала его маме. Она, оказывается, все забыла – крепко и навсегда. Слушая мой рассказ о юбке и о приключении в лесу, мама смотрела на меня глазами, полными ужаса. А потом долго мотала головой и горячо, громко и обиженно восклицала:

– Не говори ерунду! Или тебе это приснилось, или ты придумала... Не говори ерунду!!!

И я замолкла. И мне почему-то снова стало стыдно.

2016 г.

Вариант 2 . Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения Александра Кушнера «Слово "нервный" сравнительно поздно...». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): охарактеризуйте специфику авторской трактовки темы поэта и поэзии; объясните, в чем проявляется стилизация А. Кушнером поэзии Н.А. Некрасова; назовите интертекстуальные отсылки и объясните их назначение в тексте; проанализируйте изменение ведущего эмоционального тона. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Кушнер

* * *

Слово "нервный" сравнительно поздно

Появилось у нас в словаре

У некрасовской музыки нервозной

В петербургском промозглом дворе.

Даже лошадь нервически скоро

В его желчном трехсложнике шла,

Разночинная пылкая ссора

И в любви его темой была.

Крупный счет от модистки, и слезы,

И больной, истерический смех,
Исторически эти невроты
Объясняются болью за всех,
Переломным сознанием и бытом.
Эту нервность, и бледность, и пыл,
Что неведомы сильным и сытым,
Позже в женщинах Чехов ценил,
Меж двух зол это зло выбирая,
Если помните... ветер в полях,
Коврин, Таня, в саду дымовая
Горечь, слезы и черный монах.
А теперь и представить не в силах
Ровной жизни и мирной любви.
Что однажды блеснуло в чернилах,
То навеки осталось в крови.
Всех еще мы не знаем резервов,
Что еще обнаружат, бог весть,
Но спроси нас: – Нельзя ли без нервов?
– Как без нервов, когда они есть! –
Наши ссоры. Проклятые тряпки.
Сколько денег в июне ушло!
– Ты припомнил бы мне еще тапки.
– Ведь девятое только число, –
Это жизнь? Между прочим, и это,
И не самое худшее в ней.
Это жизнь, это душное лето,
Это шорох густых тополей,
Это гулкое хлопанье двери,
Это счастья неприбранный вид,
Это, кроме высоких материй,
То, что мучает всех и роднит.

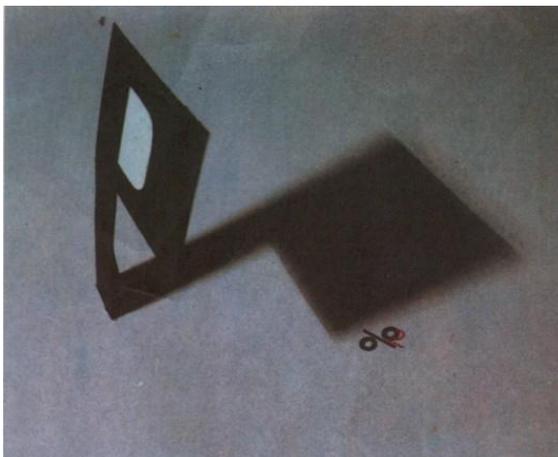
1976 г.

2. Творческое задание

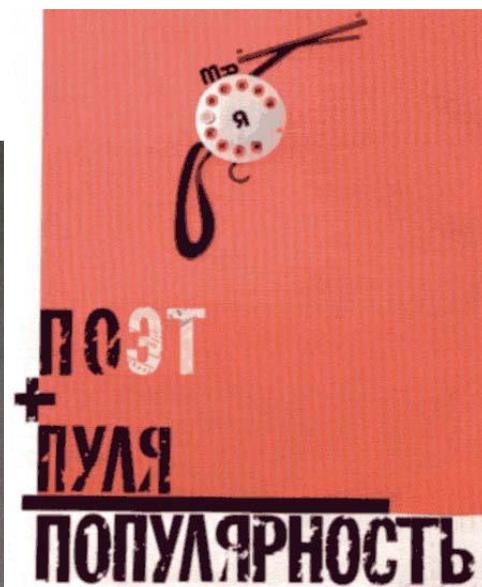
Максимальный балл – 30

Литература и живопись часто становятся взаимодополняющими видами искусства. Примером такого взаимодополнения и взаимопроникновения является творчество поэта А. Вознесенского, известного еще и как автора видеом. По А. Вознесенскому, видеомы – это особый способ передачи информации, используемый для раскрытия внутренней сути явления с помощью графического знака или рисунка, попытка изобразительно, графически прочесть поэта (в ряде случаев – литературного героя), «портрет человеческой судьбы». Рассмотрите видеомы А. Вознесенского и создайте свой видеом, посвященный любому писателю или литературному герою отечественной словесности. Напишите литературоведческую рецензию на свой видеом, пояснив в ней созданную вами метафору и обосновав выбор визуальных и словесных образов, их взаиморасположение, цветовую палитру.

* Из-за отсутствия цветных ручек при создании видеомата для передачи цвета используйте вербальные средства. Художественные способности при проверке задания не оцениваются.

Раскольников

Маяковский

Есенин

Пастернак